

Прошло уже больше суток, как Ростов был оставлен Добровольческой армией...

5.4. Последние бои. Батайск

Как и в Новочеркасске, на Ростовском фронте, если не всё, то многое, также решила конница. Вернее, её наличие у большевиков, и почти полное отсутствие у добровольцев.

Для того чтобы двинуть 4-ю кавдивизию на фронт, Антонову-Овсеенко пришлось лично выезжать в Бахмут. С комдивом Жуковым 22 января договорились о следующем: дивизия, оставаясь в непосредственном подчинении Главкому, должна была сосредоточиться в Голодаевке, а затем, выдвинуться на левый фланг Сиверса и, обеспечивая его, наступать в общем направлении на Бабинское – Султан Салы – Ростов. Для этих целей в Иловайской развёртывалась продовольственная база. 25 января Жуков докладывал, что Драгунский и Уланский полки уже находятся в Голодаевке, Стрелковый полк выгрузился у Закадычного и следует дальше в походном строю. 4-я кавалерийская стягивалась постепенно к Козлово.

Подходили подкрепления и непосредственно подчиняемые Сиверсу. За короткий срок прибыли 3-й Вяземский латышский (до 400 штыков) и 18-й Сибирский стрелковый полки, 1-й Донецкий революционный полк Красной гвардии (до 2-х рот), рота, сформированная из германских военнопленных (100 штыков при 4-х пулемётах) и две 4-х орудийных батареи 13-го тяжёлого артдивизиона.

Впрочем, не изжиты ещё были и проявления иного рода. Так, командир бронепоезда Годлевский, ссылаясь на недостаток снарядов к морским орудиям, увёл бронепоезд, вместе с командой на Никитовку и далее на Москву. И задержать его не смогли.

Серьёзной проблемой стало решение СНК провести демобилизацию Старой армии⁴⁰⁹. И Сиверс, и Саблин к этому времени уже имели в своих отрядах значительное количество красногвардейцев, не подлежащих мобилизации, но без снятых с

⁴⁰⁹ Приказ Главковерха Крыленко о демобилизации Старой армии был опубликован 30 января 1918 г.

фронта пехотных полков, вне всякого сомнения, обойтись не могли. Что касается Автономова, то он мог двинуть на Батайск от Тихорецкой почти исключительно части регулярной 39-й пехотной дивизии. Нетрудно было догадаться, что станут делать по несколько лет отсидевшие в окопах Великой войны стрелки, представься им возможность на законных основаниях разойтись по домам.

«...заменить фронтовые части, – свидетельствует Антонов-Овсеенко, – наша рабочая гвардия не могла.

Главной силой нашей против корниловцев по-прежнему являлись фронтовики, особенно кавалерийские, артиллерийские и, вообще, спецчасти. Поэтому извещение, что Совнаркомом объявлен роспуск призывных нескольких годов, подействовало на нас тягостно.

Чрезвычайно удручённый тем, что, при объявлении *этой демобилизации*, совершенно не были приняты во внимание потребности внутреннего, гражданского фронта, я обратился к Ленину и члену Наркомвоен, тов. Подвойскому, со следующей недопустимо резкой телеграммой:

«Петроград, Совет Народных Комиссаров, Ленину и Подвойскому.

Неужели сделана такая оплошность, что сразу освобождают по 1906 г.?.. Увольнение сразу трёх годов расстроит совершенно наши войска, которые готовы нанести решительный удар, и буквально спасёт калединцев от разгрома, затянув надолго борьбу. Все формирования, особенно артиллерийские, кавалерийские и пулемётные, расстроятся, и придётся долго чинить прорехи и недочинить их никак. Не следовало без запроса нашего делать такого шага, его мог сознательно сделать только, либо узкий кабинетчик, либо друг Каледина. Прошу немедленно разъяснения, *равно и об оплате командного состава*. Сделайте разъяснение, что на наших фронтах (на) Дону и Украине, демобилизация будет постепенная, каждые две недели и по одному году, начиная с 1904, который отпустят 11(24) февраля с. г. и что задержанные получают суточные по рублю за просрочку. *Дела идут успешно, не портите их*».

На эту телеграмму я получил следующий ответ:

«В Никитовку, Наркому Антонову.

Демобилизация с 1904 по 1906 г. после совещания в Петрограде представителей всех фронтов, Главнокомандующих и Военного Комиссариата в виду совершенного единогласия, принята. Удержите контингенты в вашей армии, повысив им жалование до 50 руб. в месяц и обещав полное обеспечение их семейств со стороны государства.

Ленин и Подвойский»

Мобилизация была проведена потому, что затягивать с ней далее было просто опасно. После того, как о её проведении было объявлено, остановить демобилизацию было уже невозможно. Ни на «внутреннем» фронте, ни, тем более, в масштабах всей страны.

Антонов-Овсеенкову вынужден был издать следующий приказ:

«26 января 1918 г. Согласно разъяснений Совета Народных Комиссаров объявляю:

- 1) Призывные сроков 1904, 1905, 1906, если не пожелают остаться в рядах революционной армии – подлежат увольнению в запас. В специальных частях, артиллерии, сапёрных, железнодорожных батальонах, телеграфных ротах, пулемётных командах и т.д. подлежащие увольнению могут быть задержаны до их смены, если от увольнения пострадает часть в боевом отношении.
- 2) Призывные 1904 г. увольняются от 26 января. Призывные 1905 г. с 1(14) февраля, призывные 1906 г. с 5(18) февраля...»

Известия о последующей демобилизации, 1907 – 1909 годов призыва Антонов-Овсеенко парировал приказом, в котором уже от своего имени разъяснил, что *эта демобилизация* «на революционный фронт... не распространяется».

Всё это негативным образом сказалось в ближайшие дни, когда 112-й Бакинский полк вместо того, чтобы выдвинуться от Батайска и грудью встать на путях отхода Добровольческой армии под Ольгинской, в полном составе отправился демобилизовываться в Ставрополь...

А ожесточённые бои на «внутренних» фронтах между тем

продолжались. 29 января в Мариуполь прибыл, наконец, десант черноморцев. Два тральщика доставили в город 196 моряков при 5 орудиях (одно из них – зенитное) и 16 пулемётах. Отряд незамедлительно был направлен под Таганрог.

Непрестанные стычки многому научили и Сиверса. Антонов-Овсеенко отдавал ему лишь общие директивы и почти не вмешивался в оперативную работу. Сиверс медленно, но настойчиво продвигался на восток. 24 января его штаб был уже в Неклиновке. 29 января, после отхода Кутепова – в Вареновке. 27 января Сиверсом была взята Морская, 29 января – Генеральская Слобода, 31 января – Недвиговская.

К 1(14) февраля передовые подразделения Уланского полка 4-й кавдивизии продвинулись до Генеральского Моста. Драгунский полк двумя эскадронами занял Султан-Салы, оставшимися четырьмя эскадронами с артиллерией – Петровское. 4-я кавалерийская всей массой выходила на правый фланг добровольцев, вынуждая их к постепенному отходу...

В середине января Корнилов переехал со штабом в Ростов и начал концентрировать для последующего похода разбросанные тут и там подразделения.

28 января отряд Кутепова отошёл на ст. Хопры, где в тот же день был сменён отрядом генерала Черепова⁴¹⁰. В состав отря-

⁴¹⁰ Отряд был отведён в Ростов и развёрнут в 3-й Офицерский батальон четырёх ротного состава. 1-я и 2-я роты 2-го Офицерского батальона составили роты с 1-й по 3-ю (всего в трёх ротах до 200 штыков). Гвардейская рота стала 4-й (до 40 штыков). Сдав орудие Офицерской батарее, взвод юнкеров присоединился к батарее Юнкерской. 23 января прибыл в Ростов и 1-й Офицерский батальон. В его состав, вошли остатки 4-й Офицерской роты, пополнившие 2-ю роту батальона. Полковник Морозов при этом по этическим соображениям отказался стать командиром 2-й роты, но оставался в её составе рядовым бойцом. Батальон расположился в здании Технического училища на Темернике и нёс патрульную службу и службу охранения, выставляя патрули на вокзале, железнодорожном мосту через Дон, в Государственном банке, на электростанции и на разъезде Заречная на левом берегу. До выступления при батальоне были сформированы команды связистов и подрывников, а также, и несколько железнодорожных бригад. 5(18) февраля 1-й Офицерский батальон был привлечён для обеспечения доставки золотого запаса из Ростовского банка на вокзал для передачи Донским властям. Передача золота прошла без задержек и нареканий. Большая часть вывезенных в Новочеркасск ценностей вскоре попала в руки большевиков, так как Попов брать их с собой в поход с согласия Назарова отказался.

да входили Корниловский ударный полк капитана Неженцева, Казачья дружина станицы Гниловской, партизанские отряды хорунжего Ф.Д. Назарова и сотника Грекова⁴¹¹, позже, есаула Лазарева, 2-я Офицерская батарея и блиндированный поезд. Всего до 820 штыков и сабель при 2-х орудиях.

С прибытием свежих сил была предпринята последняя попытка отбросить советские отряды от Ростова. 31 января Корниловский полк завязал бой у Синявской и потеснил отряд красногвардейцев Трифонова. В тот же день Гниловская дружина атаковала Стрелковый полк 4-й кавдивизии и поначалу имела успех. Полк был сбит и в беспорядке отошёл, потеряв до 10 пулемётов. Однако во фланг ударили подоспевшие кавалерийские эскадроны. Казаки были смяты и отброшены. Одновременно Латышский полк обошёл «корниловцев» и нанёс фланговый удар. В результате глубокого охвата и угрозы выхода конницы противника в тыл, Корниловский полк вынужден был отойти на Хопры.

3(16) февраля хорунжий Назаров по собственной инициативе предпринял атаку только что занятого селения Султан-Салы. Здесь его отряд нарвался на всю массу конницы подошедшей 4-й кавалерийской и после короткого боя был рассеян. Порыв угас, а вместе с ним и вера казаков в возможность успешного сопротивления. После неудачи под Султан-Салы казаки разъехались по домам, и вновь собрать их так и не удалось.

4(17) февраля Сиверс возобновил наступление и занял Хопры, село и ст. Чалтырь. Черепов вынужден был отойти за реку Сухой Чалтырь. Но обеспечить надёжную оборону и этого рубежа было невозможно. Над правым флангом отряда продолжала нависать многочисленная конница 4-й кавалерийской. Противопоставить ей было нечего.

Задержал дальнейшее продвижение Сиверса весьма кстати прибывший из Ростова, отряд сотника Грекова. В ночь на 5(18) февраля он совершил набег на х. Недвиговский, занимаемый

⁴¹¹ Отряд Грекова насчитывал до 150 сабель. Сотник Греков, прозванный «Белым дьяволом», отличался дерзостью, бесстрашием и склонностью к жестокости и мародёрству. Когда остатки отряда позже влились в Добровольческую армию, сам Греков, по словам Деникина, предпочёл «исчезнуть».

2-м Петроградским отрядом Красной гвардии. Несколько десятков его партизан, используя в качестве средства устрашения трещотки, произвели нападение на одну из сторожевых застав. Застава атаку отразила, но отдылавшие в хуторе красногвардейцы, приняв шум от трещоток за интенсивную пулемётную стрельбу, подверглись панике и в беспорядке отошли. Потребовалось немало времени, чтобы привести отряд в относительный порядок.

К этому времени шансов удержать Ростов у добровольцев уже не оставалось. Советскому командованию удалось открыть и ещё один фронт наступления на Добровольческую армию.

Эшелоны 5-й Кубанской казачьей дивизии наконец-то достигли Кубани, но казаки тут же разошлись по родным станицам. Комиссар дивизии Мирошниченко докладывал, что на 12(25) февраля намечено собрание Съезда фронтового казачества Кубани и просил предоставить ему полномочия для формирования отрядов из казаков, в том числе и 5-й Кубанской. Антонов-Овсеенко просьбу Мирошниченко удовлетворил, но если комиссару и удалось к весне собрать что-либо, потребовались эти силы для решения уже других задач и на другом театре военных действий.

Куда более обнадеживающие известия пришли из Царицына. Сообщалось, что казачья секция при Царицынском Совете, так называемый «Штаб обороны г. Царицына» и Бюро Областного ВРК Донской области, образованное в городе в начале января, организовали штаб «Юго-восточной армии» и избрали её командующим хорунжего Автономова. Последний, уже на ст. Тихорецкой издал приказ №1, в котором сообщал о своём вступлении в должность командующего. Приказ был подписан им самим, а также начальником штаба Коротковым и секретарём штаба М. Равиковичем. Дополнительно Равикович сообщал, что войска к Тихорецкой стягиваются, и поставленная задача по взятию Батайска к 1(14) февраля будет выполнена.

В Батайске, крупнейшей в России узловой станции, расположенной на левом берегу Дона в 10 километрах от Ростова, обстановка оставалась относительно спокойной. На станцию от

Добровольческой армии был выдвинут лишь усиленный караул. Однако направление оставалось совершенно неприкрытым и в 20-х числах января в Батайск был направлен Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии с приданными десятью офицерами 2-го Офицерского батальона (всего 120–130 штыков и сабель). Дивизион помещался на путях, в вагонах железнодорожного эшелона, нёс дозорную службу на станции и в посёлке и выставлял посты в южном направлении, вплоть до ст. Каял⁴¹². Командир дивизиона полковник Ширяев находился на вокзале и имел телефонную связь с постами и Ростовом.

29 января на патруль в 9 человек было совершено нападение местных красногвардейцев, в результате которого 8 добровольцев убиты, а один тяжело ранен. Нападавших обнаружить не удалось. Однако были взяты заложники и объявлено требование выдать виновных. На следующий день в дивизион прибыл назначенный «начальником обороны г. Ростова с южной стороны» генерал Марков. Он, почему-то в штатском, побеседовал с командиром и чинами и пообещал поддержку. 31 января в качестве таковой в Батайск прибыла Морская рота в 60 штыков во главе с капитаном 2-го ранга Потёмкиным и два орудия 1-й Юнкерской батареи, по традиции приспособленных к стрельбе с железнодорожных платформ. Общее командование над «Батайским отрядом», сосредоточившимся у здания вокзала в южной части станции, оставалось за Ширяевым. Сам посёлок по существу оставался вне контроля отряда, предоставленный вновь формируемой Красной гвардии, а больше, сам себе.

Утром 1(14) февраля под свистки многочисленных паровозов и рёв гудков железнодорожных мастерских от посёлка перешли в наступление густые цепи батайских красногвардейцев. Дозоры отошли к вокзалу. Отряд занял позиции для боя. Морская рота укрепилась на вокзале. Ударный дивизион, прикрывшись вагонами, рассыпался в цепь вдоль путей справа от неё. Однако станционные пути протянулись от вокзала далеко в сторону Ростова. Цепь дивизиона прикрывала их едва на

---

⁴¹² Позже посты были вынужденно сняты, что повлекло за собой самые негативные последствия.

треть. Отряд обречён был на обход с правого фланга и на бой в отрыве от основных сил. Едва полковник Ширяев успел доложить о случившемся и получил из Ростова приказ держаться до подхода подкреплений, связь оборвалась.

Завязалась перестрелка. Эшелон с установленными орудиями взвода Юнкерской батареи, сам, будучи под ружейным огнём, не мог стрелять в ответ. Ему мешали стоявшие на путях вагоны и станционные здания. Состав начал медленно отходить со станции в сторону Ростова. Тут выяснилось, что все стрелки на его пути были переведены таким образом, что приводили эшелон либо на забитый вагонами путь, либо в тупик. Командир взвода штабс-капитан Межинский под огнём лично переводил стрелки одну за другой. Наконец, состав покинул территорию станции и открыл пулемётный и орудийный огонь.

Однако остановить наступление красногвардейцев он не мог. Отряд Ширяева был обойдён и отрезан от Ростова. Около 11 часов со стороны ст. Каял подошли ещё три эшелона. Они остановились в 2–3 километрах от Батайска и высадили свыше 1500 человек. Пехотинцы развернулись в цепи, которые стали обходить станцию с юго-запада. Навстречу им, выставив все свои четыре пулемёта, выдвинулась Морская рота.

То, что выступление местной Красной гвардии было приурочено к подходу войск от Тихорецкой, не вызывает сомнения. К Батайску Автономовым направлено было два пехотных полка, 112-й Бакинский и запасный из состава Ставропольского гарнизона, а также, отряд Красной гвардии ст. Тихорецкой. Численное превосходство советских войск было подавляющим, более, чем двадцатикратным (!). Ударный дивизион отбивался с двух направлений, как со стороны посёлка, так уже и со стороны Ростова.

Вскоре один из командиров позвонил на вокзал.

– Откуда говорят? Кто у телефона? – надеясь, что связь восстановлена, запрашивал Ширяев.

– Сдавайтесь! Или мы всё равно придём и всех перевешаем! – ответили ему.

– Приходите и вешайте!

Разговор на этом закончился, но советский блиндированный поезд начал выдвигаться к станции, ведя огонь из двух орудий по зданию вокзала. За ним следовала стрелковая цепь в несколько сот штыков. Остальные пехотинцы, взяв влево, соединились с местными красногвардейцами. Морская рота открыла огонь, заставила цепь противника залечь и отойти, но с блиндированным поездом ничего поделаться не могла. Снаряды ложились кучно, в щепы разбивая вагоны, под которыми прятались моряки, и разрываясь в непосредственной близости от здания вокзала. Был тяжёло ранен командир роты Потёмкин. Осколком снаряда ему выбило глаз.

Однако на отошедшем от станции эшелоне Юнкерской батареи наблюдатели уже заметили выдвигание советского блиндированного поезда. Оба орудия юнкеров сосредоточили на нём свой огонь. После нескольких разрывов у полотна последовало прямое попадание в паровоз. Воодушевлённые моряки произвели частью сил вылазку. Под огнём пехотной цепи они добежали до остановившегося состава, перебили не пожелавших отойти артиллеристов и пулемётчиков и, приведя в негодность, всё, что успели, с пулемётными лентами и патронами, взятыми в качестве трофеев, возвратились к зданию вокзала.

Тем временем генерал Марков высадился с Юнкерским батальоном на подступах к станции. Юнкера пытались атаковать, но красногвардейцев было больше в разы. Раз за разом они пресекали продвижение юнкеров фланговым обходом со стороны Батайского посёлка. Вскоре Юнкерский батальон уже не наступал, а сам отбивал атаки противника. Марков не отводил юнкеров лишь в надежде, что Ширяев услышит стрельбу, предпримет попытку прорваться, и батальон сможет её поддержать.

Однако Батайский отряд и сам отбивал атаки красногвардейцев со стороны Ростова, подхода юнкеров не обнаружил и ожидал помощи, оставаясь в районе вокзала. Едва стемнело, Марков отвёл Юнкерский батальон за реку Бейсужок на удаление в 4–5 километров от станции и держал его в боевой готовности на случай прорыва отряда Ширяева.

Перестрелка стихла. Батайский отряд весь сосредоточился

у здания вокзала, прежде всего, с той целью, чтобы дать личному составу возможность принять пищу и отдохнуть в тепле. То же самое сделал и противник. Стрелки и красногвардейцы частью отошли в посёлок, частью заняли отдалённые стационарные постройки.

Полковник Ширяев собрал начальников для обсуждения создавшегося положения. Хотя потери отряда были относительно невелики (6 убитых и до 30 раненых, из них 5 – тяжело), в строю оставалось всего 140 человек. Главное же, несмотря на захваченные трофеи, подходил к концу запас патронов. В ходе обсуждения пришли к единодушному мнению – прорываться⁴¹³. И прорываться в направлении, ещё не перекрытом красногвардейцами, в противоположную от посёлка сторону, на восток.

Отряд был разбит на три группы. Группа в 40 штыков под командой ротмистра Дударева выходила первой и прикрывала отход главных сил с севера. Она должна была выйти на отходившую от станции дорогу на станицу Ольгинскую и следовать по ней на восток. В случае же обнаружения, завязать бой с красногвардейцами, занимавшими северную часть станции. Вторая группа в 50 штыков во главе с самим Ширяевым и с ранеными, должна была выйти через 30 минут после убийства первой и отходить через степь прямо на восток. Третья группа, Морская рота, уходила последней, через полчаса после отхода второй. Маршрут моряки могли выбирать самостоятельно, ориентируясь по обстановке. Условлено было, что в случае боестолкновения группы Дударева с *крупными* силами противника, две другие группы придут к ней на помощь, и что после оставления станции, каждая из групп станет выдвигаться к разъезду Заречная самостоятельно.

Тут удача улыбнулась, наконец, добровольцам. Во время совещания стационарные пути вдруг осветились включёнными

---

⁴¹³ В отряде было известно, что, в случае оставления Ростова, планируется отходить вдоль железной дороги на Тихорецкую. И с этой точки зрения удержание вокзала имело определённый смысл. Решили всё же, что в создавшейся ситуации, отступление Армии через Батайск было уже невозможно. В любом случае, наличными силами вряд ли было возможно удержать вокзал и станцию, вне зависимости от принятого решения.

кем-то электрическими фонарями. У вокзала они тут же были разбиты прикладами, возле станционных построек, занятых красногвардейцами, продолжали светить. Сам, оставаясь в темноте, отряд получал возможность наблюдать за всем происходящим у противника.

В 22 часа 1(14) февраля группа ротмистра Дударева выдвинулась на восточную окраину станции, встреченному солдатскому дозору заявила себя, как солдатскую же заставу, и без единого выстрела ушла в степь. Повернув за станцией на север группа без происшествий вышла вскоре к Заречной.

Группа Ширяева, с большим трудом протащив под десятками составов раненых, вышла к кирпичной стене, отделяющей станционные пути от степи. Здесь добровольцы наткнулись на случайный караул противника. И те, и другие не стали открывать огонь. Красногвардейцы поспешили скрыться, добровольцы, через пролом в стене вышли в степь. Тяжёлых раненых приходилось нести. Люди выбивались из сил, и полковник Ширяев повёл группу прямо на станицу Ольгинскую. В станицу прибыли, потеряв четырёх отставших, во второй половине дня 2(15) февраля, в Ростов – на следующий день.

Морская рота в полной тишине оставалась на Батайском вокзале ещё 30 минут. В командование ротой после ранения Потёмкина вступил офицер 2-го Офицерского батальона штабс-капитан Фёдоров. Он, опасаясь засады, не рискнул следовать путём Ширяева, вывел роту в южном направлении, и лишь затем, обошёл станцию с востока. В здании вокзала были оставлены тела погибших. Вынести их было невозможно, с трудом выносили на себе раненых. Раненый в голову и лишившийся глаза капитан 2-го ранга Потёмкин оставался в строю, помогал нести раненых и ослабевших и, как мог, подбадривал людей⁴¹⁴. Следуя на разъезд Заречная, рота шла вдоль железнодорожного полотна и натолкнулась на охранение Юнкерского батальона. Юнкера, не разобравшись, открыли огонь и успели ранить двух моряков.

---

⁴¹⁴ Из-за ранения В.Н. Потёмкин не смог принять участие в Ледяном походе и до весны скрывался в Ростове.

В целом, отход отряда Ширяева со ст. Батайской прошёл весьма успешно. Об этом говорит и тот факт, что Корнилов наградил впоследствии всех его участников Георгиевскими отличиями.

Юнкерский батальон оставался на позициях, пресекая при поддержке двух орудий взвода Юнкерской батареи, атаки красногвардейцев. Генерал Марков неотлучно находился с юнкерами. В ночь на 3(16) февраля батальон отошёл ближе к Ростову.

4(17) февраля на смену юнкерам прибыл 2-й Офицерский батальон полковника Лаврентьева в составе двух рот: полковника Семёнова (40 штыков) и полковника Зудилина (47 штыков). Прибыли и два орудия Офицерской батареи, которые сменили взвод юнкеров-артиллеристов. С 5(18) по 8(21) февраля батальон отбивал атаки красногвардейцев от Батайска. Выучка офицеров, открытая местность и отсутствие дисциплины в рядах прибывших из Тихорецкой пехотных полков, способствовали тому, что юга Ростов оставался надёжно прикрытым до самого конца⁴¹⁵.

5.5. Падение Ростова

В первых числах (в середине) февраля предпринималась последняя попытка привлечь к защите города ростовских офицеров. Заранее было широко оповещено о собрании офицеров. В назначенное время прибыли до 200 человек, большинство, в штатском. Устроители попытались произвести подсчёт прибывших и обратиться к ним с призывом помочь Армии. Однако

---

⁴¹⁵ 9(22) февраля Антонов-Овсеенко телеграфировал из штаба Сиверса в Батайск Автономову с предписанием занять станицу Ольгинскую, отрезав пути отхода Добровольческой армии от Аксайской. Доклада о получении приказа он не получил и уже после взятия Ростова вечером 11(24) февраля лично переправился через Дон и прибыл в Батайск. Здесь выяснилось, что Ставропольский полк самовольно оставил позиции и отошёл в тыл. На импровизированном митинге Главком объяснил ситуацию и убедил солдат 112-го полка выдвинуться к Ольгинской. При нём полк принял постановление – выступать. Однако едва Антонов-Овсеенко убыл в Ростов, 112-й Бакинский погрузился в эшелоны и убыл в Ставрополь на расформирование. В своём приказе от 15 февраля (2 марта) Антонов-Овсеенко «заклеймил поведение 112-го полка и приказал предать его командира и комиссара Сухоцкого ревсуду Юго-Восточной армии».